

Сергеевский Николай Дмитриевич

Русское уголовное право

Часть общая: Пособие к лекциям

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Дмитриевич С.**
Русское уголовное право: Часть общая: Пособие к лекциям / Сергеевский Николай Дмитриевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 372 с.

ISBN 978-5-519-85435-1

ISBN 978-5-519-85435-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
ВВЕДЕНІЕ	1—38
I. Наука уголовного права.	
1. Содержаніе и задачи науки уголовного права	1
2. Исторія науки уголовного права	17
II. Источники дѣйствующаго права.	
1. Уголовное законодательство	18
2. Обычное право.	37
 Отдѣлъ I. Основаніе и предметъ карательной дѣятельности	39—86
I. Уголовный законъ.	
1. Уголовный законъ и охраняемые имъ нормы	40
2. Элементы уголовного закона.	42
II. Преступное дѣяніе какъ объектъ карательной дѣятельности.	
1. Понятіе преступнаго дѣянія.	48
2. Содержаніе преступнаго дѣянія	52
3. Дѣленіе преступныхъ дѣяній	60
4. Теоретическія попытки различенія видовъ неправды	61
III. Право наказанія.	
1. Основаніе права государства наказывать.	66
2. Философская разработка вопроса о правѣ наказанія.	71
 Отдѣлъ II. Наказаніе	87—202
Глава I. Общее ученіе.	
I. Содержаніе наказанія.	
1. Карательныя мѣры и ихъ необходимыя черты.	87
2. Историческая измѣчивость наказанія.	92
II. Философская разработка вопроса о содержаніи наказанія.	
1. Теорія справедливости.	104
2. Теорія утилитарная.	105

Глава II. Карательныя мѣры.

I. Лишеніе жизни.	СТРАН.
1. Смертная казнь съ точки зрѣнія современнаго права	113
2. Смертная казнь въ исторіи	119
3. Смертная казнь въ дѣйствующемъ правѣ	126
II. Тѣлесныя наказанія.	
1. Изувѣчивающія наказанія	127
2. Наказанія тѣлесныя въ тѣсномъ смыслѣ	128
3. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи	130
4. Тѣлесное наказаніе въ дѣйствующемъ правѣ	135
III. Лишеніе свободы.	
1. Изгнаніе	136
2. Ссылка.	—
3. Тюремное заключеніе	148
4. Заведенія для несовершеннолѣтнихъ	163
5. Тюремное заключеніе въ старомъ правѣ	166
6. Тюремное заключеніе въ дѣйствующемъ правѣ	173
IV. Лишеніе чести и правъ.	
1. Пораженіе чести	175
2. Пораженіе правъ	178
V. Лишеніе имущества.	
1. Виды имущественныхъ взысканій.	188
2. Имущественныя наказанія въ дѣйствующемъ правѣ.	189
VI. Полицейскій надзоръ.	190
VII. Выговоръ	192

Глава III. Система наказаній дѣйствующаго права.

1. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ . . .	193
2. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. . .	201
3. Финляндское уголовное Уложеніе.	202

Отдѣлъ III. Преступное дѣяніе 203—319

Глава I. Субъектъ преступнаго дѣянія.

I. Способность ко вмѣненію.	
1. Элементы способности ко вмѣненію.	206
2. Теоріи способности ко вмѣненію въ доктринахъ.	211
II. Невмѣняемость.	
1. Причины, устраняющія способность ко вмѣненію	220
2. Значеніе состояній преходящихъ	227

Глава II. Объектъ преступнаго дѣянiя.

I. Понятiе объекта преступнаго дѣянiя.	СТРАН.
1. Предметъ преступнаго посягательства	230
2. Область противоправнаго посягательства.	231
II. Условiя, опредѣляющiя правомѣрность нарушенiя отдѣльныхъ благъ и интересовъ.	
1. Исполненiе закона или обязанности.	235
2. Осуществленiе права	—
3. Необходимая оборона	238
4. Согласiе пострадавшаго	243

Глава III. Преступное дѣйствiе.

I. Вмѣненiе.	
1. Элементы субъективной виновности	247
2. Вмѣненiе умысленныхъ дѣявiй	250
3. Вмѣненiе неумысленныхъ дѣявiй	253
II. Невмѣненiе.	
1. Случай.	261
2. Фактическое заблужденiе	262
3. Принужденiе	263
4. Исполненiе приказа	—
5. Крайняя необходимость	265
III. Совершенiе преступнаго дѣянiя.	
1. Выполненiе преступнаго дѣянiя	272
2. Связь послѣдствiя съ дѣйствiемъ.	273
IV. Предварительная преступная дѣятельность.	
1. Наказуемость предварительной дѣятельности	283
2. Обнаруженiе умысла.	285
3. Приготовленiе и покушенiе	—
V. Соучастiе.	
1. Присоединенiе къ преступной дѣятельности одного лица дѣйствiй другого.	294
2. Соучастiе преступниковъ	296
3. Соучастiе въ доктринѣ и въ законодательствахъ	304
VI. Единство дѣйствiя.	
1. Единство дѣйствiя	312
2. Преступныя дѣянiя длящiяся и продолжаемыя	314
3. Идеальная совокупность	315
4. Aberratio ictus и Error in objecto	316
5. Dolus generalis.	318

Отдѣлъ IV. Приложение наказанія къ преступ-	СТРАН.
ному дѣянію	320—364

Глава I. Примѣненіе уголовного закона къ дѣянію.

1. Дѣйствіе уголовного закона во времени	320
2. Дѣйствіе уголовного закона въ пространствѣ	326
3. Интерпретація закона	333
4. Аналогическое примѣненіе	337

Глава II. Опредѣленіе размѣровъ наказанія.

1. Приговоръ опредѣленный и неопредѣленный	339
2. Обстоятельства, принадлежація къ составу судимаго дѣянія	340
3. Обстоятельства, дѣяніе сопровождающія	342
4. Опредѣленіе наказанія для несовершеннолѣтнихъ	344
5. Обстоятельства, вину смягчающія	347
6. Совокупность преступныхъ дѣяній	—
7. Повтореніе преступныхъ дѣяній	349

Глава III. Отмѣна наказаній.

1. Смерть виновнаго	352
2. Давность	—
3. Помилованіе	360
4. Примиреніе	361
5. Условная отмѣна наказаній	—

ВВЕДЕНИЕ.

I. Наука Уголовного права.

1. Содержание и задачи науки Уголовного права.

Сергѣевскій: 1) Преступленіе и наказаніе, какъ предметъ юридической науки. Юридич. Вѣст. 1879. 12.—2) Современные задачи уголовного законодательства въ Россіи. Журн. Гр. и Угол. права. 1883 г. 3.—3) Философскіе приемы и наука уголовного права. Журн. Гражд. и Угол. права. 1879. 1.—4) Антропологическое направленіе въ изслѣдованіяхъ о преступленіи и наказаніи. Юрид. Вѣст. 1882. 2. **Нистяковскій.** Программа для собиранія юридическихъ обычаевъ по уголовному праву. 1878 (изд. 2-е).

Въ широкой области обществовѣдѣнія или юридическихъ наукъ въ обширномъ смыслѣ выдѣляются двѣ группы: науки социальныя и науки юридическія въ тѣсномъ смыслѣ. Науки юридическія занимаются изслѣдованіемъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ явленія частной и общественной жизни находятся или должны находиться къ положительному праву и которыя поѣтому формулами этого права опредѣляются или должны опредѣляться; другими словами — изслѣдованіемъ юридической природы явленій и формулъ права, опредѣляющихъ эту природу. *Наука уголовного права* есть одна изъ наукъ юридическихъ, имѣющая своимъ предметомъ то явленіе государственной жизни, которое мы называемъ преступнымъ дѣяніемъ и наказаніемъ. Изслѣдуя юридическую природу преступнаго дѣянія и наказанія и формулы права, эту природу опредѣляющія, наука уголовного права служитъ практической цѣли — дать руководство къ правильному пониманію и примѣненію, критикѣ и оставленію уголовного закона. Этимъ опредѣляется содержаніе уголовного права, какъ науки юридической: оно заключаетъ въ себѣ ученіе объ общемъ и спеціальномъ составѣ преступныхъ дѣяній, то есть о тѣхъ условіяхъ, наличность которыхъ необходима въ субъектѣ, объектѣ и дѣйствіи для того, чтобы дѣяніе могло быть признано, во-первыхъ, преступнымъ дѣяніемъ вообще и, во-вторыхъ, какимъ либо отдѣльнымъ видомъ преступнаго дѣянія въ частности; далѣе, оно заключаетъ въ себѣ ученіе объ уголовномъ законѣ, его конструкціи и условіяхъ примѣненія, и ученіе о наказаніи. Сообразно

этому, непосредственнымъ матеріаломъ для науки уголовного права служатъ уголовные законы въ обширномъ смыслѣ слова, то-есть: а) законы писанные; б) исторія ихъ текста, то-есть текстъ проекта закона и текстъ тѣхъ прототиповъ, которые служили образцами при выработкѣ новаго закона; в) законы, установленные обычаемъ, если таковые признаются положительнымъ правомъ; г) законы въ томъ видѣ, какъ они прилагаются на практикѣ;

Этотъ непосредственный матеріалъ представляется однако недостаточнымъ для достиженія указанной цѣли науки, во всей ея полнотѣ. Никакія логическія операціи надъ однѣми формулами положительнаго уголовного права не приведутъ изслѣдователя къ выполнению научныхъ задачъ какъ въ вопросахъ *de lege lata*, такъ тѣмъ болѣе въ вопросахъ *de lege ferenda*. Для этого необходимо привлечь массу другого матеріала и неукоснительно пользоваться имъ для построенія выводовъ и обобщеній.

Прежде всего, нельзя не видѣть, что наука уголовного права не можетъ ограничить свой матеріалъ однимъ только уголовнымъ положительнымъ правомъ. Выдѣлить уголовный законъ отъ другихъ областей права и разсматривать совершенно отдѣльно нѣтъ никакой возможности; возьмемъ любую статью уголовного уложенія, напр. статью о преступныхъ дѣяніяхъ имущественныхъ, и мы увидимъ, что даже ея пониманіе возможно только тогда, когда намъ предварительно извѣстенъ цѣлый рядъ опредѣленій права гражданскаго, государственнаго и т. д. Криминалистъ, ограничивающій свои занятія только уголовными законами, изучаетъ одну только форму, не касаясь ея содержанія; онъ знаетъ, какъ наказываетъ законъ, но очень часто не знаетъ, за что наказываетъ законъ и что стремится онъ охранить своей карой.

Затѣмъ, научное изслѣдованіе не можетъ ограничиться положительнымъ правомъ одного какого либо народа (правомъ отечественнымъ). Въ качествѣ необходимаго матеріала должны быть привлекаемы опредѣленія права другихъ государствъ. Такой приѣмъ изслѣдованія именуется, какъ извѣстно, сравнительнымъ методомъ. Цивилизованнымъ народамъ нашего времени не суждена замкнутая жизнь; международныя вліянія проникаютъ во всѣ сферы, и игнорировать ихъ мы не можемъ. Перенесенное на родную почву, чужестранное учрежденіе приноситъ съ собой и въ самомъ себѣ свое право. Постоянныя международныя сношенія имѣютъ своимъ послѣдствіемъ развитіе цѣлаго ряда, такъ сказать, общенародныхъ институтовъ, которые нисколько не мѣшаютъ самостоятельному развитію учрежденій національныхъ, но для собственнаго своего приложенія и пониманія требуютъ знакомства съ правомъ другихъ странъ. Примѣры многочисленны и извѣстны всѣмъ: все наше новое судопроизводство иностраннаго происхожденія. Можно сказать, что всѣ современные уложенія Европы, въ томъ числѣ и наше, не остались безъ иноземнаго вліянія; иначе и быть не можетъ. Вся задача, при пользованіи чужеземнымъ матеріаломъ, заключается въ

томъ, чтобы не дать ему того значенія, котораго онъ не имѣетъ, — онъ долженъ служить средствомъ для ознакомленія съ опытомъ другихъ народовъ и запасомъ готовыхъ знаній, но не предметомъ слѣпого подражанія. Проповѣдывать исключительно національную замкнутость значитъ отрицать всю новѣйшую исторію и ставить на мѣсто реальной дѣйствительности свою собственную, произвольную утопію.

Этимъ расширеніемъ національныхъ рамокъ рѣзко отличается юриспруденція нашего времени отъ началъ исторической школы, хотя и представляетъ собою не болѣе, какъ послѣдовательное проведеніе и развитіе основныхъ принциповъ этой школы. Историческая школа принимала, что содержаніе права съ естественною необходимостью вытекаетъ изъ внутренней сущности націи и ея исторіи; но процессъ многообразнаго воздѣйствія чуждыхъ, ненаціональныхъ, правовыхъ элементовъ на національные не былъ ею оцѣненъ во всемъ его значеніи. Такое ошибочное представленіе имѣло своимъ послѣдствіемъ, что научно-юридическое изслѣдованіе заключено было въ территоріальныя границы, и національность возведена была въ единственный и исключительный принципъ правообразованія. Для нашего времени это увлеченіе національнымъ принципомъ отжило свой вѣкъ. Вся задача, повторяемъ, заключается въ томъ, чтобы не дать чужеземному матеріалу того значенія, котораго онъ имѣть не долженъ.

(Далѣе, вслѣдъ за указаннымъ матеріаломъ положительнаго права, выдвигается, въ качествѣ тоже необходимаго для позитивнаго изслѣдованія, матеріалъ бытовой, то-есть господствующія въ обществѣ правовоззрѣнія, хотя бы и не нашедшія себѣ выраженія въ положительномъ правѣ.) Этотъ бытовой матеріалъ необходимъ для науки уголовного права по отношенію ко всѣмъ цѣлямъ, которыя она преслѣдуетъ: онъ необходимъ и для практическаго примѣненія закона, и для его пониманія и критики, и наконецъ, въ вопросахъ *de lege ferenda*.

Хорошій практикъ-судья долженъ быть знакомъ со множествомъ бытовыхъ чертъ своего народа, знаніе которыхъ необходимо для правильнаго приложенія уголовного закона, но которыя совершенно чужды иностранцу и могутъ быть чужды даже русскому человѣку, въ силу особенностей его воспитанія и образованія. Такое знаніе необходимо, напримѣръ, при обсужденіи случаевъ семейной и домашней кражи въ крестьянскихъ семьяхъ, гдѣ большая часть движимаго имущества считается общою; при обсужденіи, такъ называемыхъ, символическихъ оскорбленій и т. п. Определеніе субъективной виновности во многихъ случаяхъ пользованія и присвоенія чужого имущества, равнымъ образомъ, можетъ быть сдѣлано правильно лишь при посредствѣ знанія различныхъ обычаевъ и воззрѣній народныхъ и т. д.

По вопросу о значеніи бытового матеріала въ дѣлѣ пониманія и критики определеній положительнаго права, приведемъ слова Кистяковского (Программа): „Даже для надлежащаго уразумѣнія положеній Уложенія о наказаніяхъ, говоритъ онъ, изученіе обычаевъ народа представляетъ вели-

чайшую важность и въ состояніи бросить яркій свѣтъ на иныя постановленія нашихъ уголовныхъ законовъ. Болѣе обширными и болѣе обстоятельными изслѣдованіями можно будетъ доказать, что то, что считается въ нашихъ законахъ заимствованнымъ изъ церковнаго права или иностранныхъ обычаевъ или законовъ, есть кость отъ кости и плоть отъ плоти народной“.

Значеніе народныхъ правовоззрѣній въ вопросахъ *de lege ferenda* не подлежитъ никакому сомнѣнію; но ближайшее опредѣленіе этого значенія представляется дѣломъ весьма сложнымъ.

Въ литературѣ уголовного права мы находимъ по этому вопросу мало ясныхъ и точныхъ указаній, можетъ быть потому, что западно-европейская жизнь, въ виду существующаго тамъ порядка изданія законовъ, практически его не возбуждаетъ; наша же юридическая наука до сихъ поръ не самостоятельна. Въ литературѣ мы находимъ большею частью лишь общія указанія: „всякое правоопредѣленіе, говорятъ, напримѣръ, нѣмецкіе писатели, должно соответствовать живущей въ обществѣ идее о справедливомъ“; „уголовные законы, не основанные на обычаяхъ страны, всегда будутъ заключать въ себѣ нѣчто отталкивающее, возбуждающее сомнѣніе... уваженіе къ нимъ поэтому ослабляется“; „общенародныя правовоззрѣнія должны лежать въ основѣ уголовного правосудія, въ противномъ случаѣ оно не будетъ имѣть жизненной силы“ и т. д. Изъ нашихъ писателей, Мулловъ (Значеніе народныхъ юридическихъ обычаевъ. Журн. М-ства Юстиціи 1862) прямо говоритъ о возведеніи юридическихъ обычаевъ въ законъ: „такой законъ, созданный изъ свѣжаго матеріала, всегда будетъ жизненнымъ, цѣлительнымъ, а не мертвою только буквою, формою, созданною отвлеченно отъ жизни, ея условій, потребностей. Законодатель долженъ подмѣтить проявленіе юридической, самобытной народной жизни, юридическіе обычаи, и потомъ подмѣтивши, собравши ихъ, возвести къ единству, къ общимъ началамъ и, на основаніи уже этихъ началъ и общихъ выводовъ, создать законъ, который бы ближе подходилъ къ условіямъ и требованіямъ жпвой народной жизни“. Однако, думается намъ, даже самый ярый поклонникъ народныхъ обычаевъ долженъ согласиться, что существуютъ такіа обычныя правила и такіа правовоззрѣнія, внесеніе которыхъ въ кодексъ равнялось бы возвращенію къ первобытному, младенческому строю правосознанія. Въ самомъ дѣлѣ, нормы народныхъ правовоззрѣній, если онѣ не устарѣли, могутъ соответствовать лишь наличнымъ, настоящимъ потребностямъ и интересамъ, настоящимъ условіямъ жизни; народныя правовоззрѣнія суть правовоззрѣнія большинства. Между тѣмъ государство имѣетъ въ виду кромѣ настоящаго также интересы и цѣли будущаго; оно является представителемъ и охранителемъ не только большинства гражданъ, но и самаго ничтожнаго меньшинства.

Уголовныя уложенія заключаютъ въ своемъ составѣ весьма различныя части или элементы, по отношенію къ которымъ значеніе народныхъ правовоззрѣній весьма различно. Такихъ элементовъ усматривается четыре: во-первыхъ, конструкція общихъ уголовно-правовыхъ принциповъ, вытекающихъ какъ выводъ изъ частныхъ опредѣленій права различныхъ областей; во-вторыхъ, общія опредѣленія, построенныя при помощи данныхъ, добываемыхъ науками, изучающими природу человѣка; въ третьихъ, формы наказанія и содержаніе карательныхъ мѣръ; въ четвертыхъ, опредѣленіе области наказуемыхъ дѣяній и ихъ сравнительной тяжести.

Конструкція общихъ правовыхъ принциповъ, составляющихъ лишь отвлеченіе или выводъ отъ частныхъ опредѣленій права разныхъ областей, каковы: ученіе о дѣйствіи уголовного закона во времени и въ пространствѣ; опредѣленія объ уголовной давности; опредѣленіе области частныхъ преступныхъ дѣяній; конструкція института необходимой обороны и т. п. вовсе не можетъ быть подчинена господству народныхъ правовоззрѣній. Юридическое правило *pop bis in idem* давно извѣстно русскому народному правосознанію въ формулѣ „съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ“; порядокъ наказуемости въ случаяхъ совокупности преступныхъ дѣяній точно также — „за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ“; но уголовный законъ для установленія относящихся къ этимъ вопросамъ положеній вовсе не нуждается въ справкѣ съ народными правовоззрѣніями и тѣмъ менѣе можетъ подчиниться имъ, если-бы оказалось, что взглядъ населенія расходится съ представленіями, вытекающими изъ основныхъ принциповъ дѣйствующаго права.

Общія опредѣленія, построенныя на данныхъ, добываемыхъ положительными науками, имѣющими своимъ предметомъ изученіе природы человека, равнымъ образомъ не могутъ быть заимствованы законодателемъ изъ народныхъ правовоззрѣній, такъ какъ спеціальныя изслѣдованія въ области фізіологіи, психологіи, психіатріи и т. д. недоступны народнымъ массамъ. Таковы общія опредѣленія уголовного закона о субъективныхъ условіяхъ вмѣненія, о такъ называемой способности ко вмѣненію и о невмѣняемости малолѣтнихъ.

Наказаніе, его спеціальныя цѣли, формы и карательныя средства опредѣляются наилучшимъ образомъ не народными воззрѣніями на этотъ предметъ, а выводами науки и тѣми административными и финансовыми силами, которыми располагаетъ государство. Въ самомъ дѣлѣ, не придетъ же никому въ голову требовать внесенія въ проектъ новаго уложенія наказаній тѣлесныхъ и наказаній осрамительныхъ на томъ основаніи, что въ правовоззрѣніяхъ народныхъ массъ эти наказанія пользуются полнымъ правомъ гражданства.

Отступая съ одной стороны передъ выводами науки и воззрѣніями прогрессивнаго меньшинства населенія, народныя правовоззрѣнія являются, съ другой стороны, во многихъ случаяхъ безусловно авторитетными въ цѣломъ рядѣ вопросовъ, касающихся института наказанія. Такъ, прежде всего, законодатель не долженъ устанавливать такихъ формъ наказаній, которыя противны народному правосознанію, хотя бы самъ законодатель былъ убѣжденъ въ полной допустимости и полезности этихъ наказаній. Введеніе въ уложеніе наказаній, противныхъ общепароднымъ правовоззрѣніямъ, повлечетъ за собою искусственныя оправдательные приговоры и, если можно такъ выразиться, деморализацію уголовного правосудія. Далѣе, на этомъ же основаніи, наказанія по своей тяжести не должны превышать ту мѣру, которая считается справедливою въ народномъ правосознаніи;

иначе говоря, наказанія должны быть таковы, чтобы не казались жестокими народному сознанию. Наконецъ, народное правовоззрѣніе является во многихъ случаяхъ единственнымъ авторитетнымъ рѣшителемъ вопроса о сравнительной тяжести наказанія. Сравнительная тяжесть различныхъ формъ лишенія свободы — общаго заключенія, одиночнаго заключенія, ссылки — какъ стоящая въ зависимости отъ народныхъ привычекъ и народнаго характера, можетъ быть съ точностью опредѣлена лишь при помощи народныхъ воззрѣній. Наблюденія надъ отдѣльными случаями, хотя бы и въ большомъ числѣ, имѣютъ въ этомъ вопросѣ большое значеніе, но принципиальнаго рѣшенія, сами по себѣ взятыя, дать не могутъ.

Опредѣленіе области наказуемыхъ дѣяній и опредѣленіе ихъ сравнительной тяжести представляется для составителей наиболѣе трудною частью уголовныхъ уложеній: съ одной стороны они имѣютъ полную, фактическую и юридическую возможность обложить наказаніемъ всякое нарушение нормъ правопорядка, а съ другой — связанные принципомъ экономіи карательныхъ мѣръ, они должны ограничиться наказуемостью важнѣйшихъ для правопорядка нарушений. Такимъ образомъ, опредѣляя область наказуемыхъ дѣяній и распредѣляя ихъ по сравнительнымъ размѣрамъ наказуемости, составители уголовного уложенія должны руководствоваться двумя моментами: запрещенностью дѣяній и ихъ тяжестью. Первый моментъ, по общему правилу, зависитъ вовсе не отъ народныхъ правовоззрѣній самихъ по себѣ, а исключительно отъ положительнаго права разныхъ областей — государственнаго, гражданскаго и т. д. Здѣсь уголовное уложеніе безусловно связано прочими государственными законами; уголовное уложеніе не можетъ обложить наказаніемъ дѣяніе, дозволенное законами, сколь бы вредно оно ни было для общества или частныхъ лицъ, сколь бы оно ни было противно народнымъ правовоззрѣніямъ. Наоборотъ, дѣйствіе, противное дѣйствующему закону, неизбѣжно должно разсматриваться составителями уголовного уложенія какъ правонарушеніе, хотя бы оно представлялось правомѣрнымъ въ народномъ сознаніи. Здѣсь связь уголовного закона съ народными правовоззрѣніями устанавливается лишь посредственно; они могутъ совпадать лишь настолько, насколько опредѣленія закона гражданскаго, государственнаго, каноническаго согласны съ народными правовоззрѣніями. Другими словами: область наказуемыхъ дѣяній можетъ согласоваться съ народными правовоззрѣніями лишь настолько, насколько согласуется съ ними законъ государственный, гражданскій и проч. Установить въ этой сферѣ согласіе уголовного закона съ народными правовоззрѣніями можно только посредствомъ согласованія съ ними прочихъ законовъ государства — уголовный законъ тогда имъ неизбѣжно послѣдуетъ.

Таково общее правило. Оно подвергается двумъ ограниченіямъ. Такъ, съ одной стороны, законъ гражданскій и государственный можетъ и не опредѣлить исчерпывающимъ образомъ юридическія отношенія граж-